

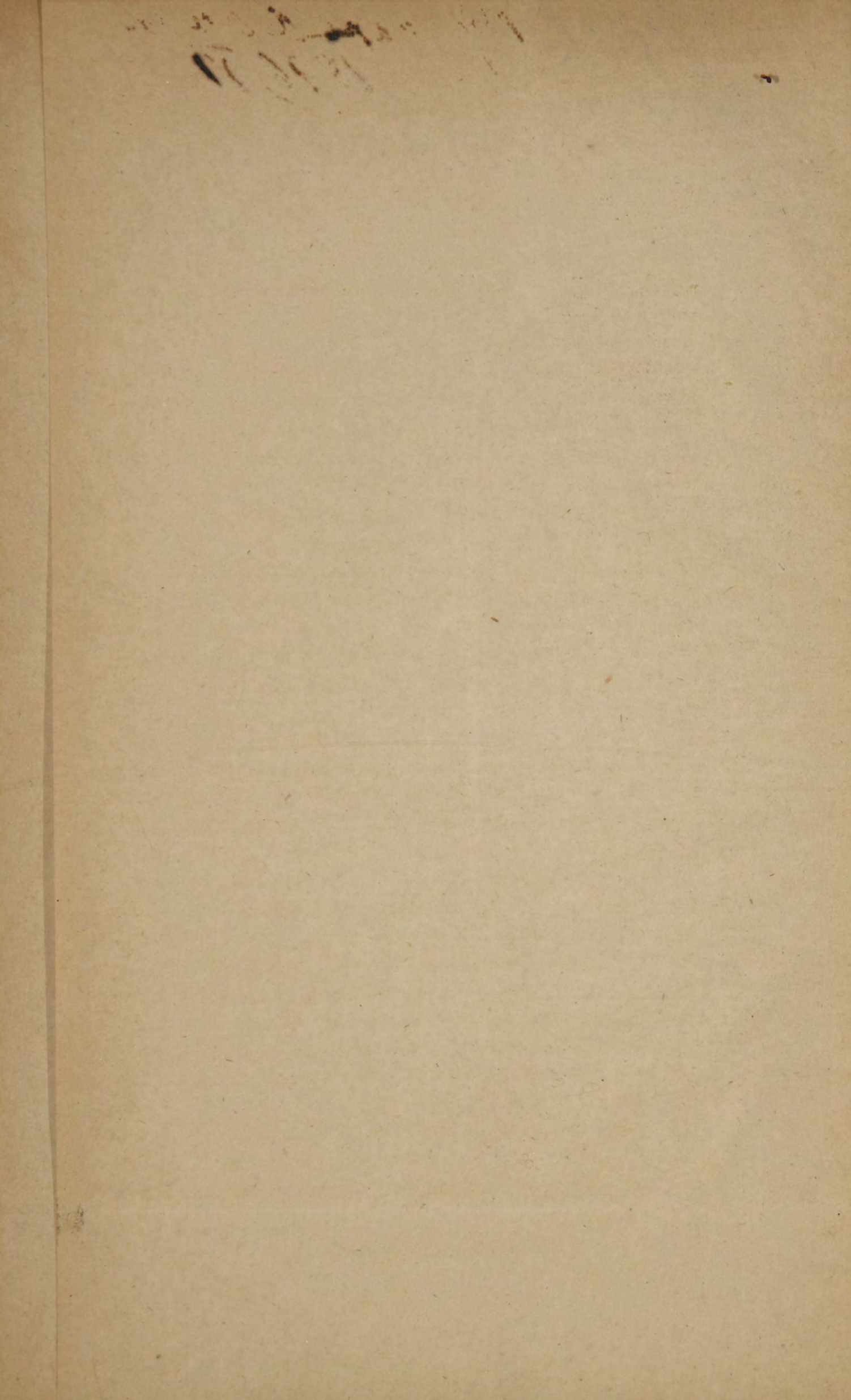
17406.

1. 11. 57

репуганнаго негра, и изъ его словъ можно было заключить, что деревушка Каффуръ находится не болѣе какъ въ шести часахъ хорошаго хода, что для измученнаго и обремененнаго отряда было равносильно цѣлому дневному переходу. Чтобы не терять проводника и имѣть его про запасъ на всякій случай, Мансуръ хотя и надѣлъ на него импровизированную на мѣстѣ колодку, но старался какъ можно менѣе мучить его и такимъ образомъ сохранять его силы.

Послѣдній день перехода былъ особенно тяжелъ для потерявшаго всѣ свои силы отряда; цѣлые сутки солдаты почти ничего не ѣли, нечѣмъ было утолить даже страшной жажды, такъ какъ по узкой тропѣ не встрѣчалось ни одного ручейка, и воду приходилось выжимать ногами изъ влажныхъ и сырыхъ мѣстъ. Жеваніе нѣкоторыхъ сочныхъ и травянистыхъ стеблей утоляло немного жажду, но этого было слишкомъ недостаточно при удрушающей жарѣ. Особенно тяжело было положеніе больныхъ, сгорающихъ отъ внутренняго жара и не имѣющихъ чѣмъ утолить свою жажду. Къ вечеру, не выдержавъ этой пытки, умерло еще двое, у троихъ здоровыхъ сдѣлалась сильная диссентерія, вызванная употребленіемъ стоячей болотной воды.

Въ виду того, что послѣдній ночлегъ отряда, по расчетамъ Мансура и показаніямъ плѣнника, приходился недалеко отъ деревеньки шиллуковъ, египтяне не рѣшались разводять большихъ костровъ и довольствовались небольшими огнями. Эту ночь поэтому отрядъ сильно пострадалъ отъ мускитовъ, слетѣвшихъ цѣлыми тучами на лежавшихъ въ мокрой травѣ людей. Безъ тревоги однако не обошлась и эта безъ того тяжелая ночь. Около полуночи въ сторонѣ отъ становища раздался выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ послышались отчаянные крики, скоро заглушенные ревомъ разъяреннаго леопарда. Мансуръ, Фуадъ и два охотника бросились въ сторону, откуда слышались эти звуки, и при свѣтѣ смолистаго факела нашли останки несчастнаго часоваго, поставленнаго на самый далекій отъ становища постъ и растерзаннаго леопардомъ, напавшимъ на него внезапно среди мрака и ночной тишины.

— Еще одного изъ насъ призвалъ къ себѣ Аллахъ,—пробормоталъ Мансуръ-Али, — но это будетъ уже послѣдняя жертва. За смерть столькихъ храбрыхъ солдатъ поплатятся жестоко проклятые шиллуки!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Елисеѣвъ.

K

17406

70902

ВЫСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ КИРСАНОВСКАГО УЪЗДА ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕЮ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЮ ПОЛИТИКОЙ.

Кирсановскій уѣздъ Тамбовской губерніи лежитъ въ восточныхъ предѣлахъ густо населенной, трехпольной черноземной центральной полосы, откуда у насъ происходитъ нормальное переселенческое движеніе. Полоса эта невелика по пространству; она занимаетъ не болѣе 6—8 губерній. Здѣсь давно уже выразились во многихъ мѣстахъ всѣ признаки пресыщенія мѣстности населеніемъ при данныхъ условіяхъ народнаго хозяйства: заработная плата не превышаетъ дневнаго пропитанія и издержекъ на ремонтъ орудій труда, несообразно съ доходностью земли высока арендная плата, чрезмѣрно дробленіе и уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ, и у населенія, занимающагося исключительно земледѣліемъ, недостаетъ своего хлѣба на пропитаніе, даже въ годы средняго урожая. На восточныхъ и южныхъ границахъ центральной черноземной полосы и затѣмъ далѣе къ Поволжью указанные болѣзненные признаки мало или даже совсѣмъ не замѣчаются. Здѣсь населеніе болѣе рѣдко и богаче, трудъ дороже, земля дешевле, но за то здѣсь дѣйствуетъ другая могучая причина выселеній—дарственные надѣлы. Къ этой послѣдней категоріи мѣстностей принадлежитъ и Кирсановскій уѣздъ.

Какъ крайній восточный уѣздъ Тамбовской губерніи, онъ заселился позднѣе другихъ ея уѣздовъ. Только съ прошлаго столѣтія стали находить сюда государственные крестьяне, и на раздаваемые тогда правительствомъ земли помѣщики стали переводить своихъ крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній; причѣмъ государственные крестьяне заняли преимущественно западную часть уѣзда, расположенную по правому берегу рѣки Вороны; помѣщики — восточную часть уѣзда по лѣвой сторонѣ этой рѣки, гдѣ ихъ оказалось до 83% всего крестьянскаго населенія.

При освобожденіи крестьянъ многіе изъ нихъ вышли на даровые надѣлы и такимъ образомъ 2.000 квадратныхъ верстъ восточной части Кирсановскаго уѣзда оказались населенными 20.820 душами дарственниковъ. Здѣсь же живетъ до трехъ тысячъ крестьянъ, взявшихъ третъ полнаго надѣла. Это гнѣздо безземельныхъ крестьянъ занимаетъ одну изъ самыхъ рѣдко населенныхъ мѣстностей черноземной части Тамбовской губерніи.

Плотность населенія достигаетъ здѣсь только 34 человекъ на квадратную версту, тогда какъ въ западной части Кирсановскаго уѣзда она равна 38. Въ другихъ черноземныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи въ среднемъ 40 душъ на версту,¹ а въ другихъ болѣе центральныхъ уѣздахъ черноземной полосы даже до 60 душъ.

Общія причины, разъясненныя г. Семеновымъ въ его трудахъ по поземельной статистикѣ, заставляли крестьянъ на границахъ черноземнаго трехполья и въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ выходить на даровые надѣлы сплошными уѣздами. При установленіи выкупныхъ платежей они были соразмѣрены не съ цѣнностью земли, а съ получаемымъ помѣщикомъ оброкомъ, куда входила и цѣнность выкупаемаго труда. Поэтому въ черноземной трехпольной полосѣ эти платежи оказались ниже поземельной ренты, и крестьяне старались всѣми силами удержать за собою существующіе надѣлы. Но въ восточныхъ и южныхъ предѣлахъ трехполья въ шестидесятыхъ годахъ можно было свободно нанимать земли отъ 1 р. до 2 руб. за десятину, тогда какъ въ этихъ мѣстностяхъ выкупные платежи были опредѣлены отъ 2 руб. до 2 р. 40 к. за десятину. Здѣсь крестьяне охотно шли на даровые надѣлы, имѣя въ виду арендовать недостающія имъ земли по дешевымъ цѣнамъ. Кромѣ того они также ожидали, что при рѣдкомъ здѣсь населеніи и зависимости потому посѣвщиковъ отъ рабочихъ съ прекращеніемъ дароваго труда должны упраздниться господскія запашки и арендныя цѣны на землю еще болѣе упасть. Эти соображенія усиливались приходившими съ Поволжья слухами о волотой грамотѣ, въ силу которой вся земля въ скоромъ времени поступитъ бесплатно крестьянамъ. Какъ извѣстно, эти крестьянскіе надежды и расчеты не сбылись. Продажныя и

---

¹ Численность и плотность населенія опредѣлены по подворной земской переписи, сдѣланной въ Тамбовской губерніи въ 1880—1884 г. Смотри земскіе статистическіе сборники томъ X стр. 232 и слѣд. томъ XIV стр. 23—25. Съ тѣхъ поръ, благодаря выселеніямъ, плотность восточной части Кирсановскаго уѣзда скорѣй уменьшилась, чѣмъ возросла.

арендные цѣны, вмѣсто того чтобы упасть, возвысились, и населеніе, не имѣющее никакихъ другихъ промысловъ кромѣ земледѣлія, осталось безъ земли. Такое ненормальное положеніе сдѣлало его особенно чуткимъ ко всѣмъ переселенческимъ движеніямъ.

Первое такое общее движеніе, охватившее черноземныя губерніи, было движеніе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ Оренбургскій край. Оно по своимъ размѣрамъ было такъ велико, что заселило Оренбургскую, Уфимскую и частью Самарскую губерніи. Цѣлый рядъ поводовъ вызвалъ его.

Въ шестидесятыхъ годахъ Министерство Государственныхъ Имуществъ держалось широкой, свободной колоніальной политики. По закону, оно имѣло право селить на казенныя земли только нѣкоторые разряды безземельныхъ крестьянъ; въ дѣйствительности же, имѣя много оброчныхъ статей въ Оренбургскомъ краѣ и Самарской губерніи, оно селило тамъ всѣхъ безъ различія, считая, что крестьяне, имѣющіе надѣлы, но получившіе увольненія отъ обществъ, подходятъ подъ разрядъ безземельныхъ; къ нимъ же оно подводило и дарственныхъ крестьянъ.¹ Будучи осаждаемо множествомъ просьбъ о переселеніи, это министерство желало оформить неустроенное у насъ дѣло переселенія на казенныя земли и добилось отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, державшагося запретительной системы относительно переселенія, разсылки въ волостныя правленія упрощенныхъ правилъ о переселеніи (циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 13 апрѣля 1868 г.), въ которыхъ было указано, что у правительства есть свободныя для заселенія земли въ Оренбургскомъ краѣ и Самарской губерніи.

Съ своей стороны мѣстная оренбургская администрація, въ заботахъ о заселеніи и процвѣтаніи почти безлюднаго края, такъ же постоянно отстаивала самую широкую свободу переселеній. Черезъ Оренбургскій край, лежащій на перепутьи въ Сибирь, куда еще съ царствованія Павла Петровича манили переселенцевъ особыя льготы и прощеніе недоимокъ, двигалось ежегодно много народа; значительная часть его оставалась въ краѣ, и хотя пребываніе этихъ крестьянъ было здѣсь незаконно, но такъ какъ имъ некуда было дѣться, выселить всѣхъ было невозможно и

¹ Подробности о томъ у Янсона въ его очеркѣ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ, помѣщенномъ въ опытѣ статистическаго изслѣдованія о надѣлахъ и платежахъ крестьянъ. 1881 г. стр. 63 и слѣд.

кромѣ того малонаселенность края заставляла желать не удаленія ихъ, а прочнаго водворенія, то мѣстный генераль-губернаторъ и выхлопывалъ почти ежегодно сепаратные законы, узаконявшіе пребываніе этихъ пришельцевъ (законы 9 апрѣля 1869, 25 января 1871, 23 мая 1872, 28 января 1876), и нашель капиталъ, чтобы выдавать изъ него переселенцамъ ссуды (продовольственный капиталъ кочевыхъ Башкиръ Оренбургской губ.).

Въ сосѣдней Уфимской губерніи частный интересъ владѣльцевъ заставлялъ также поощрительно относиться къ переселенцамъ. Начиная съ 1860 г. по 1880 г., идетъ рядъ ходатайствъ и попытокъ уфимскаго земства и дворянства о привлеченіи на пустующія бездоходныя земли этой губерніи переселенцевъ изъ густо населенныхъ частей Россіи, объ облегченіи имъ способа водворенія и устройства имъ кредита. Въ то же самое время скупщики башкирскихъ земель и чиновники, получившіе ихъ въ раздачу, спѣшили продать за дешевую цѣну доставшіеся имъ даромъ и не нужные для хозяйства участки.

Отголоски всѣхъ этихъ разнообразныхъ стремленій и распоряженій доходили до крестьянъ средней Россіи, увеличиваясь еще слухами о необычайномъ плодородіи Уфимской губерніи. Многіе изъ нихъ принимались крестьянами какъ прямой вызовъ со стороны правительства къ переселенію и дѣйствовали какъ дрожжи на готовое бродить тѣсто. Переливаясь изъ одной мѣстности въ другую, движеніе достигло и Кирсановскаго уѣзда.

Лѣтомъ 1875 года были разсланы во всѣ волостныя правленія Тамбовской губерніи печатныя объявленія мирового посредника 1-го участка Стерлитамакскаго уѣзда отъ 3-го мая 1875 г. за № 703, приглашавшія крестьянъ покупать земли и переселяться въ Уфимскую губернію. Черезъ нѣсколько времени такія приглашенія послѣдовали и отъ Стерлитамакскаго уѣздной Управы. Эти поощрительныя къ переселенію мѣры встрѣтили въ нашемъ уѣздѣ дѣйствіе общаго закона, который о переселеніи совсѣмъ не упоминалъ, выходъ же отдѣльныхъ крестьянъ изъ обществъ и перечисленіе ихъ въ другія обставлялъ неисполнимыми, много лѣтъ тянувшимися формальностями. Неуклонное соблюденіе этихъ запретительныхъ правилъ было подтверждено циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го мая 1868 г., который грозилъ незаконно вышедшимъ крестьянамъ возвращеніемъ и водвореніемъ черезъ полицію на прежнее мѣсто жительства. Этотъ циркуляръ былъ такъ же какъ прежде упомянутый противоположный по содержанію, о засѣленіи свободныхъ земель Оренбург-

скаго края и Самарской губ. объявленъ по волостямъ Тамбовской губерніи.

Требованія закона совпали съ боязнью Кирсановскихъ властей, что, при существующей неурядицѣ переселенческаго дѣла, крестьяне легко могутъ попасть въ руки Уфимскихъ землевладѣльцевъ и закабалить себя. Поэтому Уфимскія приглашенія были признаны здѣсь незаконными, и сдѣлано по волостямъ распоряженіе не выдавать паспортовъ, а равно запрещено крестьянамъ продавать свое имущество. Власти стали съ закономъ въ рукахъ указывать крестьянамъ, пробовавшимъ было уходить по паспортамъ, что этотъ способъ переселенія незаконенъ и требовали для дозволенія выхода—перечисленій въ другую губернію. Крестьяне, знавшіе очень хорошо по письмамъ односельцевъ, что Уфимская и Оренбургская губерніи наполнены переселенцами, пришедшими туда *именно* по паспортамъ, и что тамошняя администрація не дѣлаетъ препятствій къ ихъ водворенію и относится къ нимъ поощрительно, никакъ не могли понять, почему мѣстныя власти считаютъ такихъ переселенцевъ незаконными и грозятъ имъ возвратомъ на родину. Полагая, что органы правительства дѣйствуютъ у насъ вездѣ по одной программѣ, крестьяне обнаруживали, конечно, полное незнаніе нашихъ административныхъ порядковъ. Такимъ образомъ между крестьянами и мѣстною администраціей возникъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Не имѣя возможности всѣ ихъ перечислить, я изложу по всеподданныйшему отчету сенатора Мордвинова, ревизовавшаго въ 1881 г. Тамбовскую губернію, два такихъ случая¹.

Семьсотъ душъ крестьянъ села Иры, получившихъ дарственный надѣлъ, заключили 26 іюня 1876 г. съ г-жей Дашковой условіе о покупкѣ у нея 5000 десятинъ земли въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ за 60,000 р., изъ коихъ 20,000 должны были уплатить при совершеніи купчей, а остальные съ разсрочкою въ четыре года. Крестьяне стали собирать деньги для внесенія первыхъ 20,000 р., но мѣстныя власти запретили имъ продавать свое имущество и дѣлать сборы для купленной земли. Губернское присутствіе, куда крестьяне жаловались на уѣздныхъ властей, основываясь на формальномъ законѣ, потребовало отъ нихъ прежде — совершенія купчей крѣпости и только послѣ сего разрѣшало имъ продавать свое имущество. Такая послѣ-

¹ Экземпляръ отчета, которымъ я пользовался, находится въ Нарышкинской библиотекѣ города Тамбова.

довательность требованій была, конечно, крестьянамъ невозможна и они жаловались въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое сносило съ министерствомъ финансовъ и наконецъ увѣдомило, что не имѣетъ препятствій къ выдачѣ крестьянамъ дозволенія переселиться, такъ какъ примѣненіе къ нимъ существующихъ узаконеній затруднительно. Это дѣло ходило по инстанціямъ полтора года.

Вотъ другой случай, показывающій, что еще въ 1877 г., то-есть, на третій годъ послѣ начала движенія, даже мѣстныя власти не пришли еще къ соглашенію, какой политики имъ слѣдуетъ держаться при выходѣ крестьянъ, 2-го іюля 1877 г. Кирсановское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе отказало 28 домохозяевамъ деревни Ильиновки въ выдачѣ паспортовъ для переселенія въ Стерлитамакскій уѣздъ на заарендованную у тамошняго помѣщика г. Эннадскаго на 12 лѣтъ землю. Губернское присутствіе кассировало это опредѣленіе. Пересматривая его вновь, уѣздное присутствіе осталось при прежнемъ мнѣніи. Вслѣдствіе новой жалобы крестьянъ губернское присутствіе потребовало отъ уѣзднаго подчиниться его опредѣленію. Уѣздное присутствіе отвѣтило, что оно не можетъ взять на себя отвѣтственность въ выдачѣ паспортовъ на невыгодное для крестьянъ переселеніе. Тѣмъ не менѣе губернское присутствіе не перемѣнило своего мнѣнія и продолжало настаивать на немъ; уже въ декабрѣ 1879 года оно поручало уѣздному постановить сообразно его указаніямъ новое опредѣленіе. Это требованіе не было исполнено уѣзднымъ, которое продолжало держаться своего мнѣнія. Ревизовавшій Тамбовскую губернію черезъ четыре года послѣ возбужденія этого дѣла сенаторъ Мордвиновъ 7 апрѣля 1881 г. потребовалъ вновь выдачи паспортовъ.

Движеніе, захватившее сразу цѣлый уѣздъ, разожгло крестьянскую фантазію и страсти. Новыя мѣста представлялись народу обѣтованною страной; старое жительство ему опротивѣло; его руки опустились, и тяжелая ежедневная работа уже не спорилась. При такомъ состояніи умовъ требовался опредѣленный скорый отвѣтъ, будутъ-ли крестьяне выпущены и при какихъ условіяхъ, и при томъ отвѣтъ на основаніи ясныхъ для всѣхъ и опредѣленныхъ законовъ, а не на основаніи колеблющихся и противорѣчивыхъ личныхъ мнѣній властей, которыя еще болѣе способствовали возбужденію умовъ, не давая народу успокоиться и приняться снова за работу. Рѣшившись переселиться иногда цѣлымъ міромъ, крестьяне сразу ставили себя въ невозможность

продолжать свое хозяйство на прежнемъ мѣстѣ жительства, продавали свои постройки, посѣвы, свой инвентарь и въ такомъ положеніи ждали иногда годами, пока вопросъ объ ихъ выпускѣ восходилъ на разрѣшеніе высшихъ инстанцій.

Въ жизни земледѣльца все опредѣляется всеильнымъ временемъ; потеря одного дня иногда равняется потерѣ цѣлаго года; оттого, собираясь уходить, крестьяне требовали отъ властей отпуща раннею весной. Въ такомъ только случаѣ, достигая новыхъ мѣстъ еще лѣтомъ, переселенцы успѣваютъ обстроиться къ зимѣ, посѣять озимый хлѣбъ и тѣмъ обезпечить свою хозяйственную будущность. Къ тому же при весеннемъ уходѣ рабочее время крестьяне проводятъ на дорогихъ заработкахъ въ ненаселенной странѣ. Канцелярская волокита конечно не справлялась съ этими хозяйственными соображеніями; многіе крестьяне получали разрѣшенія и уходили въ неудобное для переселенія время. Такое неопредѣленное и спутанное положеніе, продолжавшееся нѣскольکو лѣтъ, экономически ослабило крестьянъ. Нравственно они нашли въ этой разнорѣчивой политикѣ властей подтвержденіе давнишней своей крестьянской мысли, будто помѣщики, не выпуская крестьянъ изъ своихъ выгодъ, дѣйствуютъ на переکورъ высшему правительству, желающему обезпечить крестьянъ землею.

Къ началу восьмидесятыхъ годовъ движеніе въ Оренбургскій край стихло. Дѣйствительность не оправдала народныхъ ожиданій. Къ приходу большинства переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній башкирскія и казенныя земли оказались уже расхищенными, частныя быстро вздорожали въ цѣнѣ и, при отсутствіи кредита, стали недоступны крестьянамъ или не сулили имъ такихъ выгодъ какъ прежде. Одни сѣли на арендныя земли, другіе на купленныя, но по неформальнымъ и даже по словеснымъ условіямъ; третьи незаконно заняли неразмежеванныя башкирскія дачи. Начались недоразумѣнія и иски. Земельная неурядица, постоянная спутница водворенія переселенцевъ на нашихъ окраинахъ, затормазила дальнѣйшее заселеніе плодородныхъ предгорій Урала.

Всѣ эти причины подѣйствовали и на нашихъ Кирсановскихъ крестьянъ; они оказались на время излеченными отъ природнаго стремленія русскаго народа къ приволью, къ простору и къ исканію новыхъ земель. Возбудили вновь эти дремавшія желанія двѣ, слѣдующія одна за другой, правительственныя мѣры.

Въ 1866 году, при полномъ господствѣ общей запретительной системы переселеній и при фактически начавшемся вопреки ей

движеніи крестьянъ, сепаратнымъ закономъ былъ открытъ доступъ къ привольнымъ и богатымъ землямъ Алтая, гдѣ Кабинетъ Его Величества владѣеть 40 милліонами десятинъ, большею частью чернозема. За 6 рублей годового оброка крестьянамъ отводилось не менѣе 15 десятинъ удобной земли и давалось право бесплатнаго пользованія лѣсомъ. Сюда тогда же направилась сперва небольшая переселенческая струя. Увеличиваться ей долго мѣшала существовавшая также тамъ земельная неурядица. Земли Кабинета оставались не обмежеванными и не приведенными въ извѣстность, процедура отвода участковъ была сложная и хлопотливая, и потому новоселы селились преимущественно въ обществахъ старожиловъ, гдѣ за пріемъ должны были платить постоянно возвышающуюся плату. Такъ дѣло продолжалось до 1881 г., когда, съ назначеніемъ начальникомъ земельной части главнаго Алтайскаго управленія А. А. Ваганова, человѣка энергичнаго и способнаго, дѣло приняло другой оборотъ. Порядокъ отвода земель былъ упрощенъ. Алтайское управленіе стало снимать свои земли на планъ и ежегодно отмежевывать отдѣльные переселенческіе участки, предоставленные свободному выбору самихъ переселенцевъ. Списки такихъ участковъ съ хозяйственнымъ описаніемъ ихъ угодій и указаніемъ числа крестьянъ, могущихъ на нихъ поселиться, печатались для раздачи всѣмъ обращающимся въ управленіе за справками.

По своимъ почвеннымъ и другимъ естественнымъ условіямъ предгорья Урала и Алтая имѣютъ много общаго. Они соединяютъ въ себѣ все нужное для пахаря средней Россіи—многоводныя рѣки, отличные луга, обиліе лѣсовъ и плодородную черноземную почву. Поэтому, разочаровавшись въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ и встрѣчая тамъ постоянныя затрудненія, главный переселенческій потокъ сталъ мѣнять свое русло и направляться въ Томскую губернію¹. Заботы тамошняго мѣстнаго начальства о

¹ Приблизительный ростъ переселенческаго движенія на Алтай можно видѣть по числу однихъ перечислившихся и получившихъ дозволенія водвориться, что далеко не обнимаетъ всѣхъ дѣйствительно пришедшихъ, изъ которыхъ многіе живутъ по паспортамъ. Вотъ эти цифры по шестилѣтіямъ въ тысячахъ:

съ 1866 по 1872 г. перечислились на Алтай ревиз. душъ—3 т.

„ 1872 „ 1878 „ „ „ „ „ 4 „

„ 1878 „ 1884 „ „ „ „ „ 4 „

Съ 1884—1889 получили дозволенія Главн. Упр. поселиться 96 тыс. Живущихъ безъ перечисленія было въ 1876—1 тыс., въ 1882—17 т., въ 1884—30 т. Въ 1889 г. живущихъ безъ пріемныхъ приговоровъ и жи-

первыхъ элементарныхъ условіяхъ всякой правильной колонизаціи, вездѣ у насъ пренебрегаемыхъ, скоро принесли богатые плоды. Въ пустынномъ до того Алтаѣ къ 1893 г. считалось однихъ переселенцевъ до 280000 человѣкъ. Благодаря имъ, чистый доходъ Кабинета возросъ болѣе чѣмъ на 100000 ежегодно (оброчная рента за пользованіе землей). Страна, нуждавшаяся прежде сама въ хлѣбѣ, стала житницей западной Сибири. Пристани Оби, Иртыша и Томи стали отпускать пшеницу милліонами пудовъ, хлѣбная промышленность создала пароходство, и извѣстное изреченіе Адама Смита, что никакое человѣческое общество такъ скоро не богатѣетъ, какъ колонія, основанная въ малонаселенной странѣ, здѣсь вполнѣ оправдалось.

Такъ какъ значительная часть переселенцевъ селилась на Алтаѣ не съ увольнительными свидѣтельствами, а съ паспортами, причемъ начальство нѣкоторыхъ губерній само отпускало такихъ незаконныхъ переселенцевъ, то Алтайское управленіе находилось вынужденнымъ селить и тѣхъ, и другихъ, не дѣлая различія между законными и незаконными переселенцами. Часто случалось, что мѣстное руссійское начальство, требовало возвращенія такихъ уже водворенныхъ переселенцевъ обратно въ мѣста ихъ приписки; поэтому необходимо было Алтайскому управленію не только давать дозволенія непричисленнымъ крестьянамъ селиться на свои земли, но и перечислять непричисленныхъ.хлопоты о перечисленіи, возбуждаемые самими крестьянами, по ихъ крайней сложности и формальности, тянулись сплошь и рядомъ безплодно цѣлые года и только разоряли и мучили крестьянъ; поэтому Алтайское управленіе взяло эти хлопоты также на себя².

Облегчая всѣми способами водвореніе переселенцевъ на своихъ земляхъ, Алтайская администрація руководилась, можетъ быть, не только гуманными соображеніями, но и вполнѣ естест-

---

вующихъ въ городахъ было приблизительно 40 т. Къ 1891 ихъ было уже 69 тыс. Эти цифры взяты изъ сборника историко-статистическихъ свѣдѣній „Алтай“, стр. 331--334 и изъ вѣдомости Томской переселенческой станціи за 1892 годъ.

² Сложность процедуры перечисленія и число крестьянъ, идущихъ на Алтай безъ соблюденія формальностей, требуемыхъ закономъ, доказывается тѣмъ, что, несмотря на эти облегчительныя мѣры для перечисленія къ 1-му январю 93 года все-таки тамъ по официальнымъ свѣдѣніямъ считалось 69 тыс. неперечисленныхъ душъ обоюго пола, къ чему надо еще прибавить, что дѣйствительное число неперечисленныхъ обыкновенно въ полтора раза превышаетъ официальныя свѣдѣнія (См. у Кочуровскаго, *Русская Мысль* 1894 № 3.)

веннымъ желаніемъ заселить свои бездоходныя земли; но во всякомъ случаѣ она дѣйствовала вопреки формальнаго закона, котораго строго держались на мѣстахъ выхода крестьянъ. Алтайскимъ управленіемъ были напечатаны для раздачи крестьянамъ правила о переселеніи, въ которыхъ было сказано, что на кабинетныхъ земляхъ допускаются также къ водворенію крестьяне, пришедшіе со срочными паспортами, причемъ само управленіе беретъ на себя всѣ хлопоты по послѣдующему узаконенію такихъ незаконныхъ переселенцевъ. Такой облегченный способъ переселенія сталъ скоро общеизвѣстнымъ между крестьянами въ Россіи; а самыя Алтайскія правила вмѣстѣ съ официальными описаніями предназначенныхъ для поселенія участковъ, гдѣ предлагались тысячи десятинъ черноземной пашни, заливные луга и лѣса вволю, стали ходить по рукамъ крестьянъ, возбуждая ихъ легко воспламеняющуюся фантазію. Эти правила и описанія можно было читать на стѣнахъ волостныхъ правленій, на большихъ дорогахъ; они попадали даже въ календари, распространенные въ народѣ, и породили недоразумѣнія во многихъ губерніяхъ. Даже въ сосѣдней съ Томской малонаселенной Тобольской губерніи явилось множество крестьянъ, желающихъ воспользоваться этимъ облегченнымъ способомъ переселенія, особенно изъ числа накопившихъ за собою недоимки, надѣясь на ихъ прощеніе¹.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ средней Россіи губернская администрація въ борьбѣ съ Алтайскимъ управленіемъ, желая остановить движеніе по паспортамъ на Алтай, прибѣгала къ своеобразному, впрочемъ давно уже въ прежнія многочисленныя крестьянскія движенія выработанному, приему—на выдаваемыхъ крестьянамъ паспортахъ сверхъ помѣщаемыхъ въ нихъ словъ „уволенъ во всю Россійскую Имперію“ дѣлать приписку „кромѣ Томской губ“. Конечно такія приписки не мѣшали крестьянамъ съ такими паспортами или даже и совсѣмъ безъ паспортовъ идти именно въ Томскую губернію, гдѣ они были принимаемы и водворяемы.

Такая противорѣчивая дѣятельность властей только путала еще болѣе въ умахъ крестьянъ и безъ того запутанное у нихъ исторіей сознаніе цѣлей и намѣреній, преслѣдуемыхъ правительствомъ въ дѣлѣ переселенія.

Разсказывая, какъ Алтайская администрація оказалась въ противорѣчьи съ общимъ закономъ, я ничуть не хочу ее винить, а только

¹ *Сибирскій Вѣстникъ* 1889 г. № 89.

указать, какъ жизнь мститъ несообразному съ ея требованіями закону. У насъ рѣдко оказывается послѣдовательность и согласіе въ дѣятельности нашей сложной административной машины. Часто ея колеса вертятся въ разныя стороны; и въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ центральное правительство само колеблется въ своей политикѣ, противорѣчивая дѣятельность отдѣльныхъ органовъ не можетъ быть поставлена имъ въ вину.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ до Кирсановскихъ крестьянъ дошли Алтайскія вѣсти вмѣстѣ съ другими, столь же полными соблазна. Въ 1880 году у Россіи возникли недоразумѣнія съ Китаемъ изъ за Кульджи, грозившія войной. снаряженіе эскадры адмирала Лессовскаго въ воды Восточнаго океана и усиленіе военныхъ средствъ Приморской области обошлось тогда казнѣ въ нѣсколько милліоновъ рублей, причемъ обнаружилось вполнѣ важное стратегическое значеніе Южно-Уссурійскаго края, недостатокъ въ немъ русскаго населенія и дороговизна содержанія войскъ въ необитаемомъ краѣ.

Во время этого столкновенія намъ показалось на минуту, будто Небесная Имперія пробуждается отъ вѣчнаго застоя и спячки. Она быстро перевооружила свою армію, двинула ее къ нашимъ предѣламъ, провела у себя первую телеграфную проволоку и возымѣла намѣреніе двинуть населеніе изъ переполненнаго застѣннаго Китая въ сопредѣльную съ нашимъ Уссурійскимъ краемъ пустынную Манджурію, чтобы заселить ее. Съ своей стороны, и мы забили поспѣшно тревогу. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ сталъ хлопотать о заселеніи Уссурійскаго края русскими крестьянами.

Льготное переселеніе, практикуемое у насъ въ теченіи многихъ столѣтій, всегда вызывало движеніе среди крестьянъ. Чтобы это доказать, не надо было даже выходить за предѣлы Амурской области. Послѣ возвращенія Россіи этой исторической рѣки правительство въ 61-мъ году издало правила, -призывающія туда всѣхъ селиться, и даровало переселенцамъ разныя льготы. Нѣсколько лѣтъ наше образованное общество высказывало розовыя надежды и блестящія предположенія о колонизаціи этого края. Амурская эпопея была тогда у всѣхъ на языкѣ, и Муравьевъ сдѣлался какъ бы легендарнымъ героемъ. Но скоро оживленіе стихло, и самъ Амуръ былъ забытъ нами. Не забыли его только наши крестьяне. Онъ сталъ у нихъ сказочною рѣкой. Съ тѣхъ поръ движеніе на Амуръ черезъ всю Россію и Сибирь пѣшкомъ съ обозами не прекращалось. Иногда это движеніе

вспыхивало, иногда затихало благодаря ужасному положенію переселенцевъ и неправильной постановкѣ дѣла. Несомнѣнно опасно было оживлять эти тлѣющія воспоминанія новыми льготами именно въ то время, когда переселеніе внутри Россіи принимало такой интенсивный характеръ и не было упорядочено общимъ закономъ. Но не по этимъ причинамъ, а исключительно по чисто финансовымъ соображеніямъ колонизаціонные планы генерала Анучина встрѣтили въ Петербургѣ нѣкоторое сопротивленіе. Но мнимо грозные призраки военного Китая¹ и колонизаціи Манчжуріи помогли ему скоро добиться желаемого. Закономъ 1 іюля 1882 г. было рѣшено перевозить ежегодно въ Уссурійскій край на казенный счетъ морскимъ путемъ на пароходахъ добровольнаго флота 250 семей крестьянъ, преимущественно изъ черноземной полосы Россіи, почвенныя условія которой подходили къ заселяемому краю.

По этому закону переселенцевъ снабжали всѣмъ, что только могло сниться обѣдѣвшему крестьянину средней черноземной Россіи. Кромѣ пути на казенный счетъ и на казенномъ содержаніи, переселенцамъ давалось не менѣе 15 десятинъ удобной земли на душу; съ нихъ слагались всѣ недоимки въ окладныхъ сборахъ и платежахъ; они освобождались на 5 лѣтъ на новыхъ мѣстахъ отъ всякихъ податей, въ теченіи 5 лѣтъ давались большія льготы по воинской повинности. Каждая семья снабжалась скотомъ (что стоило казнѣ 240 рублей на семью), готовымъ жилищемъ, сѣномъ, хлѣбомъ на полтора года (фактически переселенцы жили на казенномъ хлѣбѣ 4—5 лѣтъ), сѣменами, разными домашними и хозяйственными орудіями и телѣгами на желѣзномъ ходу. Кромѣ того частью въ ссуду, частью безвозвратно переселенцы получали рѣшительно все имъ нужное—мельничные жернова, англійскіе кузнечные приборы, земледѣльческія орудія изъ бельгійскаго желѣза, ведра, чугуны, бочки, огородныя сѣмена, фонари, ружья и т. п.² Все это самага лучшаго ка-

¹ Называю такимъ именемъ, обурѣвавшей насъ тогда передъ Китаемъ страхъ, не по существу дѣла, съ которымъ не знакомъ; а съ точки зрѣнія сегодняшнихъ нашихъ взглядовъ, когда послѣ войны съ Японіей, забывъ недавнія наши опасенія, мы поддержали распадающагося восточнаго колосса.

² Всѣ эти свѣдѣнія я выписываю изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 1 іюля 1882 г. и изъ необнародованнаго сборника официальныхъ свѣдѣній по управленію Восточной Сибири изданнаго генераль-губер. Анучинымъ, томъ II, Иркутскъ 1883 г.

чества и потому дорого купленное везлось съ переселенцами изъ Россіи. На расходы не скупились; въ виду того напр., что обыкновенная мука будто бы трудно выдерживаетъ перевозку тропическими морями, стали искать для перваго рейса муку овинной сушки. Послѣ долгихъ поисковъ 10 тысячъ пудовъ такой муки были выписаны въ Одессу изъ Моршанска. Оттуда же были выписаны 5 т. пудовъ гречневыхъ крупъ. Ежегодно раннею весной переселенцы должны были собираться въ Одессу, откуда корабли добровольнаго флота отправляли ихъ во Владивостокъ. Устроена была цѣлая колониальная администрація, заботливая и предупредительная къ переселенцамъ до мелочей. Ихъ сопровождали особые чиновники-попечители; было выхлопотано разрѣшеніе Херсонскаго архіепископа не поститься во время морского перехода. Говоря все это, я не касаюсь серьезныхъ результатовъ этого колониаціоннаго предпріятія для Уссурійскаго края. Они несомнѣнны. Указываю только, какія недоразумѣнія эти льготы и обѣщанія породили у насъ въ крестьянствѣ. Не хочу также доказывать излишность предупредительныхъ заботъ о переселенцахъ при первомъ опытѣ перевозки ихъ моремъ на Дальній Востокъ. Я представляю эти заботы только какъ примѣръ нашихъ постоянныхъ переходовъ отъ одной системы къ другой. Сегодня мы окружаемъ переселенца чрезмѣрными заботами, завтра оставляемъ его умирать на дорогѣ безъ всякой помощи. Сегодня мы его вызываемъ, завтра удерживаемъ. Съ народомъ-колонизаторомъ, жаждущимъ все новыхъ и новыхъ земель и до сихъ поръ вѣрующимъ, даже не умомъ, а сердцемъ въ неизмѣнность и крѣпость разъ высказаннаго правительствомъ слова, такая политика ведетъ только къ недоразумѣніямъ.

Дарованіе такихъ необычайныхъ льготъ подняло всю Россію буквально отъ Перми до Тавриды и даже Сибирь. Во всѣхъ уголкахъ Россіи раздался захватывающій крестьянскую душу кличъ: „на Амуръ, на Амуръ!“ Онъ подымалъ десятки тысячъ людей, цѣлые уѣзды, почти цѣлыя губерніи сразу¹. Разказы объ этой таинственной, многообѣщающей рѣкѣ, ходившіе къ народѣ еще со временъ вызововъ шестидесятыхъ годовъ, во-

¹ Вотъ небольшая иллюстрація къ интенсивности этого движенія, сообщаемая Гуревичемъ въ его изслѣдованіи о переселеніяхъ въ Сибирь, стр. 100. „Въ 1883 г. изъ одного Константиногородскаго уѣзда Полтавской губ. было отправлено крестьянами на Амуръ телеграммъ на 4000 р.“ Телеграфныя сношенія съ Сибирскимъ начальствомъ — общее явленіе при переселенческихъ движеніяхъ.

зобновились. Къ нимъ присоединилась, сдѣлавшаяся всероссійскою, легенда о волшебномъ кораблѣ, стоящемъ на Черномъ морѣ и поджидающемъ — по распоряженію Царя — мужиковъ, у которыхъ мало земли.

Вскорѣ въ 1885 г. и затѣмъ закономъ 12-го мая 1887 г. пришлось отмѣнить всѣ столь неосторожно данныя льготы. Бесплатный базенный проѣздъ и безвозвратныя ссуды были уничтожены и кромѣ того отъ каждаго переселенческаго семейства стали требовать денежное обезпеченіе сперва въ 500, затѣмъ въ 600, затѣмъ въ 1000 рублей. Исчезли также и попечительныя заботы о переселенцахъ. Именно тогда, когда эти льготы были уничтожены, слухъ объ ихъ дарованіи только что проникъ въ Кирсановскій уѣздъ.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ всѣ большія дороги черноземной Россіи бывали запружены въ первой половинѣ лѣта обозами переселенцевъ, направлявшимися на Большой и Малый Амуръ; послѣднимъ именемъ называли крестьяне Алтай. „Много крику положила Россія, обозъ переселенцевъ тянулся на 25 верстъ“, такъ пишетъ одинъ изъ крестьянъ въ собраніи переселенческихъ писемъ Григорьева. Глядя на эту движущуюся Россію, и наши Кирсановскіе крестьяне стали задумываться, не послѣдовать ли и имъ общему примѣру.

Еще съ начала 1887 года стали поступать отъ нихъ отдѣльныя прошенія о переселеніи, которыя, по невѣденію администраціи, что съ ними дѣлать, оставались безъ отвѣта. Съ весны 1888 года крестьяне стали дѣйствовать сообща. На тайныхъ сходахъ, тщательно скрывааемыхъ отъ властей и помѣщиковъ, многія общины снарядили ходаковъ, составили имъ вѣрительные приговоры и собрали имъ деньги. Ходаки достигли конечно не Амура, а Алтая и вернулись оттуда къ осени съ экземплярами облегчительныхъ Алтайскихъ правилъ о переселеніи и удостовѣреніемъ чиновъ Алтайскаго земельного управленія о томъ, что ими осмотрѣны такіе-то переселенческіе участки, могущіе быть имъ отведенными при условіи заселенія этихъ участковъ опредѣленнымъ количествомъ душъ крестьянъ.

Побывавъ въ средоточіи переселенческаго движенія, ходаки принесли извѣстія объ Уссурійскомъ краѣ, что туда достигнуть за дальностью пути трудно, но что дѣйствительно правительство поселяетъ тамъ народъ съ большими льготами, бесплатно снабжаетъ его всѣмъ нужнымъ на нѣсколько лѣтъ и перевозитъ на казенный счетъ. Сообщенія ходаковъ о суровой дѣйствительно-

сти дальняго пути заставили многихъ крестьянъ тѣхъ сель, откуда были посланы ходаки, отказаться отъ переселенія. Но крестьяне другихъ сель стали собираться идти будущею весной, полагая, на основаніи принесенныхъ правилъ, что имъ надо только запасть паспортами. Полученныя же ихъ довѣренными удостовѣренія о возможномъ отводѣ земель на Алтай, они считали актами владѣнія на эти земли и тщательно берегли такіе документы.

Когда кирсановскіе крестьяне заговорили объ Алтай и Амурѣ, оказалось, что уѣздныя власти и помѣщики не имѣютъ никакого понятія объ этомъ вопросѣ и потому не могутъ дать никакихъ разъясненій обращающимся къ нимъ крестьянамъ. Правила о переселеніи на Алтай, какъ административное распоряженіе одного изъ вѣдомствъ, не были общеобязательны, и ихъ нельзя было найти ни въ одномъ изъ сборниковъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ, изданныхъ въ то время. Правила о переселеніи въ Южно-Уссурійскій край не были даже совсѣмъ обнародованы, именно въ виду боязни вызвать переселенческое движеніе, а сообщены всего только тремъ губернаторамъ—Новгородскому, Черниговскому и Екатеринославскому, откуда предполагалось получать переселенцевъ. Такъ что, когда крестьяне сообщали уѣзднымъ властямъ и помѣщикамъ о дарованіи правительствомъ чрезвычайныхъ льготъ на Уссурѣ, послѣдніе категорически отрицали ихъ существованіе, считая все это плодомъ народнаго легкомыслія и происками какихъ-то неблагонамѣренныхъ людей.

Благодаря необнародованію закона о переселеніи въ Южно-Уссурійскій край, не въ одномъ только нашемъ уѣздѣ интеллигенція оказалась плохо освѣдомленною о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Вся періодическая печать того времени считала Амурскія ожиданія крестьянъ не имѣющими ничего реальнаго. Глѣбъ Успенскій, указывая на нихъ, упрекалъ нашу интеллигенцію, почему она не учитъ свой народъ и даетъ такъ расходиться его безсодержательной фантазіи. Толстые журналы во внутреннихъ обозрѣніяхъ совѣтовали и удивлялись администраціи, почему она не ловитъ распространителей въ народѣ ложныхъ слуховъ.

Зимою 1888—1889 г., въ виду безчисленныхъ просьбъ о переселеніи на Амурѣ, вывѣшивались въ волостныхъ правленіяхъ Кирсановскаго уѣзда, по распоряженію губернскаго присутствія, объявленія съ длиннымъ перечисленіемъ всѣхъ условій, нужныхъ

для такого переселенія... Здѣсь говорилось, что переселенцы должны предпринять весь путь на свой счетъ, не разсчитывая ни на какія пособія отъ казны, и представлять при ходатайствахъ о переселеніи на семью 500 р. въ обезпеченіе пути и перваго водворенія. Черезъ нѣсколько недѣль такое объявленіе было замѣнено другимъ, гдѣ обезпеченіе было возвышено до 600 руб.; затѣмъ скоро, по требованію Амурской администраціи, до 1000 руб. Крестьяне вѣрили конечно не этимъ объявленіямъ, а сообщеніямъ ходаковъ и письмамъ изъ другихъ мѣстъ Россіи откуда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выходили переселенцы на Амуръ на казенномъ иждивеніи. Въ доказательство ложности объявленій они указывали между прочимъ на постоянное разнорѣчіе въ количествѣ обезпеченія. Этою же зимою, по распоряженію губернатора, были сдѣланы два раза переписи всѣмъ желающимъ переселиться. Ихъ производили слѣдующимъ образомъ: уѣздное присутствіе получало отъ губернатора предложеніе переписать желающихъ и спѣшило сообщить приказанія начальства волостнымъ старшинамъ. Послѣдніе тотчасъ же устремлялись съ волостными писарями въ объѣздъ по всѣмъ селеніямъ, опрашивали на сходахъ, не желаетъ-ли кто идти на новыя мѣста, и записывали такихъ желающихъ. Оба эти опроса, понятые крестьянами какъ прямой призывъ самаго правительства къ переселенію, были сдѣланы безъ всякой опредѣленной цѣли. Фоліанты такихъ переписей были сложены въ губернаторской канцеляріи на покой; никто не потрудился даже ихъ перелистать.

Въ концѣ марта того года крестьяне снарядились въ путь и потребовали выдачи паспортовъ для переселенія; имъ въ этомъ отказали. Они указали на принесенныя имъ печатныя алтайскія правила, разрѣшавшія такого рода переселенія. Имъ указали на общее положеніе о крестьянахъ и циркуляры министерства, запрещающіе такой способъ переселенія. Но и кирсановскія власти не вездѣ дѣйствовали одинаково, и потому, послѣ многихъ хожденій и отсылокъ просителей отъ одного учрежденія къ другому, въ концѣ мая въ нѣкоторыхъ волостяхъ часть изъ нихъ была выпущена съ паспортами. Крестьяне двинулись на желѣзную дорогу, но здѣсь для того, чтобы ихъ везти по переселенческому тарифу, потребовались удостовѣренія о томъ, что они переселенцы. Начались новыя хлопоты ходаковъ, пока сами переселенцы лежали таборомъ на линіи желѣзной дороги. Черезъ нѣсколько дней хожденій крестьяне получили рѣшительный отказъ въ признаніи ихъ переселенцами и отправились въ путь безъ скидки, объяс-

нивъ себѣ этотъ отказъ желаніемъ мѣстныхъ помѣщиковъ хотъ чѣмъ - нибудь напоследокъ досадить уходившимъ отъ нихъ рабочимъ.

Изъ этихъ отпущенныхъ крестьянъ около 300 человекъ отправились на Алтай, котораго достигли черезъ мѣсяць, и, несмотря на увѣренія кирсановскихъ властей, что они не будутъ тамъ приняты безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, тотчасъ же по прибытіи были водворены и получили надѣлы.

Другая часть переселенцевъ, хотя просившаяся также на Алтай, двумя партіями, одна около 400 человекъ, другая около 200 человекъ, своротила на Одессу. Здѣсь имъ объявили, что съ прошлаго года казенныхъ переселенцевъ нѣтъ болѣе, и что корабль съ своекоштными отправляется только раннею весной и теперь давно уже въ морѣ. Несмотря на такое официальное сообщеніе, переселенцы въ самой Одессѣ стороною узнали, что еще въ эту весну многіе были отправлены безденежно. Дѣйствительно въ этотъ второй годъ дѣйствія закона о своекоштныхъ переселенцахъ Одесская администрація должна была отступить отъ его требованій, такъ какъ многіе крестьяне прибыли безъ средствъ, въ надеждѣ на прежній даровой проѣздъ; поэтому, не повѣривъ и Одесскимъ властямъ, наши крестьяне стали ждать у моря погоды.

Между тѣмъ въ Одессу начали стекаться переселенцы и изъ другихъ губерній. Въ іюнѣ ихъ собралось болѣе 1000 человекъ, и администрація была принуждена въ самомъ концѣ іюня зафрахтовать французскій пароходъ Canton и отправить на немъ запоздавшихъ. За переѣздъ до Владивостока приходилось платить по 100 рублей съ человека. Только у 5 или 6 семей кирсановцевъ оказались достаточныя для того средства. У одного старика было до 3000 рублей; собираясь въ дальній морской путь какъ на смерть, онъ отдалъ всѣ свои деньги для оплаты путешествія своихъ недостаточныхъ товарищей и отправился начинать новую жизнь безъ всякихъ средствъ.

Вотъ что писалъ объ этомъ рейсѣ Canton'а извѣстный нашъ путешественникъ А. В. Елисѣевъ со словъ очевидца: „Благодаря роковому недоразумѣнію съ переселенцами и потому несвоевременному выходу изъ Одессы, приходилось дѣлать переходъ черезъ тропики лѣтомъ, на совсѣмъ къ тому не приспособленномъ пароходѣ. Изъ партіи переселенцевъ въ 1023 чел. умерло 100 преимущественно дѣтей... Затѣмъ по разселеніи на зимовья

смертность продолжалась... Вся дорога отъ Владивостока до Раздѣльной была усѣяна переселенческими могилами¹.

Остальные кирсановцы, не оплатившіе своего переѣзда изъ Одессы, около 500 человекъ, были отправлены по этапу на родину. Они шли подъ конвоемъ солдатъ, и въ попутныхъ городахъ, въ ожиданіи очереднаго выхода, заключаемы были съ женщинами и дѣтьми въ тюрьмы. Затѣмъ казенныя издержки за этапъ были потребованы отъ крестьянскихъ обществъ по началу круговой поруки.

Между тѣмъ Тамбовскія власти получили запросъ министерства, какимъ образомъ могли быть выпущены переселенцы въ Одессу безъ соблюденія всѣхъ законныхъ условій. Боясь отвѣтственности за такое упущеніе, Кирсановское крестьянское присутствіе рѣшило выпускать крестьянъ и даже ходаковъ только послѣ строгаго выполненія съ ихъ стороны всѣхъ этихъ условій, и подтвердило старое, дѣйствовавшее еще во время Уфимскаго движенія, распоряженіе не позволять крестьянамъ продавать свое имущество и, возложивъ отвѣтственность во всемъ этомъ на волостныхъ старшинъ и оптрафовавъ тѣ селенія и тѣхъ старостъ, гдѣ движеніе было сильнѣе, члены Присутствія раздѣхались по домамъ. Волостные старшины, боясь отвѣтственности и не зная и вообще законовъ, а тѣмъ болѣе не обнародованныхъ, стали множить формальности на формальности при требованіи отъ нихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, или открещиваться отъ осаждавшей ихъ толпы переселенцевъ, какъ отъ зачумленныхъ людей. Самое слово „переселеніе“ въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ ихъ начальства, сдѣлалось преступнымъ.

Движеніе же все болѣе и болѣе разгоралось. Обратное путешествіе изъ Одессы было объяснено крестьянами происками помѣщиковъ, просившихъ будто-бы Одесскаго генераль-губернатора воротить ушедшихъ отъ нихъ крестьянъ. Невыпускъ даже и ходаковъ не позволялъ никому изъ крестьянъ познакомиться на мѣстѣ, въ Сибири, съ столь непривлекательною обстановкой переселенческаго дѣла и тѣмъ, какъ въ прошломъ году, расхолаживать расходившіяся мечты о медовыхъ и молочныхъ рѣчкахъ. На пашнѣ, на сѣнокосѣ, въ избахъ, на сходахъ только и была рѣчь о просторѣ, привольѣ и изобиліи „земленаго клина“ (такъ зовется въ простонародь Южно-Уссурійскій край), о его

---

¹ *Русскій Вѣстникъ*, Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація, августъ 1891 г., стр. 156.

фруктовыхъ лѣсахъ, роскошныхъ лугахъ, изобильныхъ рыбою водахъ, о волшебномъ озерѣ Ханкѣ и вольной черноземной степи, его окружающей. Подобно тому, какъ было во время Уфимскаго движенія, такъ и теперь, но еще въ большей степени тяжела ежедневная работа опять опостылила народу. Названіе „Амурецъ“ стало у него нарицательнымъ; оно обозначало чело-вѣка поработеннаго сказочнымъ будущимъ и потому слоняю-щагося безъ дѣла, съ разстроеннымъ или распроданнымъ хозяй-ствомъ и домомъ.

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ движеніе на Алтай и Уссури особенно усилилось изъ Россіи. Переселенческіе обозы непре-станно двигались черезъ Кирсановскій уѣздъ. Понятно, что воз-бужденное состояніе нашихъ крестьянъ преувеличивало значеніе этого движенія. Имъ показалось, что вся Россія подымается со своихъ мѣстъ и идетъ на новыя мѣста. Это предположеніе родило новую мысль.

Правительство, говорили они, потому даетъ переселенцамъ такія большія льготы, что намѣрено переселить въ Сибирь всю Россію; а въ опустѣвшую Россію перевести Сибирскихъ инород-цевъ,—добавила ихъ крестьянская логика. До сихъ поръ многіе со-стоятельные крестьяне, которымъ на старинѣ жилось хорошо, сто-ронились движенія. При такомъ новомъ толкованіи они стали опа-саться остаться въ незначительномъ числѣ среди переведенныхъ иновѣрныхъ инородцевъ и также примкнули къ нему. Предполагае-мые широкіе колонизаціонные планы правительства потому только еще наводили нѣкоторое сомнѣніе на крестьянъ, что они не могли дать себѣ отчета: что же станетъ съ церквами въ Россіи? Они конечно не могли и предполагать, что православное правитель-ство отдастъ ихъ въ руки иновѣрныхъ¹.

Какъ всегда бываетъ во время народныхъ движеній, такъ и теперь всѣ эти слухи и рассказы, заражая эпидемически мысль

¹ Г. Григорьевъ въ своемъ изслѣдованіи о переселеніяхъ крестьянъ также указываетъ, какъ привязанность и забота Рязанскихъ крестьянъ къ ихъ церквамъ остановили переселенческое движеніе.

Всѣ эти крестьянскія объясненія правительственныхъ намѣреній, при всей ихъ видимой нелѣпости, получаютъ свое объясненіе въ постоянныхъ хлопотливыхъ передвиженіяхъ населенія изъ одной мѣстности въ другую съ правительственными цѣлями и большими льготами. Эти передвиженія дѣлались въ теченіе всей нашей исторіи. Укрѣпленіе и огражденіе окраинъ отъ вторженія кочевниковъ, господствовавшихъ въ разныя времена теоріи умноженія населенія, развитія во чтобы то ни стало промысловъ и фаб-рикъ заставляли насъ такъ поступать.

даже самыхъ спокойныхъ и разсудительныхъ людей и дѣлаясь всеобщими, пріобрѣтали особую рельефность и достовѣрность. Множество лицъ, напримѣръ, читали указанное выше посланіе помѣщиковъ къ Одесскому генераль-губернатору о возвращеніи крестьянъ. Многие сами говорили съ Алтайскими чиновниками, пріѣхавшими справляться, отчего къ нимъ такъ долго не отпускаютъ переселенцевъ. Всѣ видѣли сегодня въ одномъ селѣ, завтра въ другомъ Амурскаго генерала, разѣзжающаго на тройкѣ со звѣздой на груди и закономъ въ рукахъ, записывающаго и призывающаго всѣхъ на переселеніе. Повѣрили этому произведенію народной фантазіи также помѣщики и власти, и стали искать и ловить самозванца.

Нетерпѣливое крестьянское движеніе встрѣчало на своемъ пути совсѣмъ неприспособленную къ нему, тихо двигающуюся и часто надолго останавливающуюся административную машину. Испуганные старшины отсылали по всякому поводу крестьянъ ко властямъ. Въ это время доживало свой вѣкъ покойное, не доброй памяти, Крестьянское Присутствіе. Его члены, не имѣя права ничего сами единолично рѣшать, отсылали, въ свою очередь, всѣхъ обращающихся къ нимъ въ Коллегію, собиравшуюся разъ въ мѣсяць на одинъ день. Въ послѣдней дѣла шли медленнымъ канцелярскимъ порядкомъ и восходили часто до Губернскаго Присутствія.

Крестьяне тысячами рвались на переселеніе; нельзя было, конечно, выпустить всѣхъ ихъ, и потому чрезвычайныя обстоятельства дѣла требовали общаго распоряженія, устанавливающаго постепенность въ увольненіи, раздѣленія крестьянъ на разряды по праву на переселеніе и рѣшительнаго и скорого отказа на выходъ многимъ. Но уѣздныя власти не додумались до такого организаціоннаго рѣшенія вопроса. До высшихъ же властей этотъ уѣздный вопросъ не касался. Уѣздныя власти предпочли по рутинѣ, по обыкновенному порядку принимать всѣ прошенія безъ исключенія къ производству и дѣлать по нимъ постоянные опросы, вызовы, оцѣнки имущества. Этимъ всѣ подавшіе просьбы держались постоянно въ надеждѣ увольненія, что имъ всегда и неизмѣнно обѣщалось, но только тогда, когда всѣ законныя формальности и условія будутъ исполнены. Но вотъ шелъ третій годъ такого канцелярскаго производства, и до сихъ поръ ни по одному прошенію не наступило желательнаго, обѣщаннаго исполненія всѣхъ законныхъ условій переселенія.

До сихъ поръ ни одного увольнительнаго свидѣтельства не

было выдано, ни одинъ крестьянинъ не былъ перечисленъ; всѣ, которые уходили, уходили до сихъ поръ незаконнымъ путемъ. Мы увидимъ, что такъ дѣло продолжалось и въ будущіе годы. Крестьяне объясняли себѣ такой порядокъ не плохимъ устройствомъ крестьянскихъ учрежденій, а стараніемъ властей во что бы то ни стало воспрепятствовать ихъ завѣтному пламенному желанію идти на новыя мѣста.

Несмотря на запрещеніе выдавать паспорта и ходакамъ, нѣкоторымъ изъ нихъ въ то лѣто удалось тайкомъ пробраться на Алтай. Здѣсь ихъ опять безъ всякихъ формальностей тотчасъ же допустили до осмотра и выбора участковъ. Они выбрали таковыя въ Барнаульскомъ округѣ, и имъ дали письменныя разрѣшенія занять ихъ. Къ осени ходаки были уже дома, и тотчасъ же ихъ довѣрители подали прошенія о переселеніи. Въ сентябрѣ же этого года былъ обнародованъ законъ 13-го іюля 1889 г. о переселеніи крестьянъ на казенныя земли.

До сихъ поръ для полученія права на такое переселеніе требовалось представить уѣзднымъ властямъ разрѣшеніе, выдаваемое сибирскими управленіями государственныхъ имуществъ (циркуляръ Министерства Внутр. Дѣлъ 13-го апрѣля 1868 г.) занять опредѣленный участокъ земли. Новымъ закономъ такой порядокъ былъ отмѣненъ. Съ прошеніями должно было обращаться къ мѣстному губернатору, представлявшему таковыя министру Внутреннихъ Дѣлъ, непосредственнымъ распоряженіемъ котораго, по сношеніи съ министромъ государственныхъ имуществъ, разрѣшалось переселеніе и отводилась земля. Этотъ законъ былъ написанъ тѣмъ лапидарнымъ языкомъ, на которомъ въ министерство гр. Толстаго писались у насъ законы для уѣздныхъ властей и крестьянъ. Никакой инструкціи для примѣненія этого перваго русскаго переселенческаго закона не было дано. Его темная редакція въ Рязанской и Саратовской губерніяхъ не была понята крестьянами и породила переселенческое движеніе. У насъ ея не поняли власти.

Въ то время, когда весь переселенческій потокъ двигался въ Томскую губернію на земли Кабинета, издается законъ, который въ двухъ словахъ, коротко, безъ всякихъ разъясненій, сообщаетъ, что для переселенцевъ на казенныя земли Томской губ. устанавливается новый порядокъ ходатайства. Понятно, что нашимъ уѣзднымъ властямъ показалось, что онъ нормируетъ злобу дня, которая у всѣхъ была передъ глазами — беспорядочное движеніе на Алтай. Неспециалистамъ русскаго государствен-

наго права надо было разъяснить различіе между кабинетными землями, составляющими личную собственность Государя и состоящими въ вѣдомствѣ Министерства Императорскаго Двора, съ казенными, выдающимися Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Переселенцы до смерти надоѣли нашимъ уѣзднымъ властямъ; они не знали, какъ съ ними справиться, и были рады новому закону, снимавшему, по ихъ мнѣнію, съ ихъ плечъ непосильную обузу. Эту радостную для нихъ вѣсть власти поспѣшили объявить переселенцамъ и указали имъ, что надо начинать дѣло съ начала—подавать новыя прошенія губернатору и что принесенныя имъ разрѣшенія Алтайскаго земельного управленія на занятіе участковъ теперь уже болѣе недѣйствительны, такъ какъ по новому порядку такія разрѣшенія даются министерствомъ. Переселенцы взяли удостовѣренія и прошенія обратно, и сельскіе грамотеи нацарапали новыя.

Законъ 13-го іюля 1889 г. былъ только развитіемъ и обнародованіемъ конфиденціальныхъ правилъ 10-го іюля 1881 г. о переселеніи на казенныя земли, сообщенныхъ для руководства однимъ только губернскимъ присутствіемъ. Потому для нашей губернской администраціи онъ не былъ даже новымъ закономъ. Переселеніе же на кабинетныя земли должно было быть ей также хорошо извѣстнымъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ ¹ до 1879 г., т. е. до того года, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, Тамбовская губернія дала Кабинету 19691 человекъ однихъ только перечисленныхъ переселенцевъ, и по числу вышедшихъ на эти земли превосходила всѣ другія губерніи. По поводу перечисленія этихъ уходившихъ отъ нея крестьянъ, тамбовская канцелярія должна была вести обширную переписку съ Алтайскимъ Управленіемъ, и если не знаніе законовъ, то бланки Министерства Императорскаго Двора, на которыхъ Кабинетъ писалъ свои безчисленныя бумаги, должны были научить ее, кому принадлежать эти земли. Тѣмъ не менѣе, и она впала въ такую же ошибку, какъ и уѣздная. Смѣшавъ оба разряда земель, она стала направлять прошенія о переселеніи на земли Императорскаго Двора по закону о казенныхъ земляхъ.

Въ новомъ законѣ было сказано, что губернаторъ, до представленія прошеній министру, долженъ собрать свѣдѣнія объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей, и

---

¹ „Алтай“ стр. 114, 115.

хотя такія свѣдѣнія уже были разъ собраны непремѣннымъ членомъ по порученію уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, когда дѣло шло по общему закону, тѣмъ не менѣе, теперь, когда оно пошло по спеціальному, потребовалось вновь собрать ихъ съ тѣмъ различіемъ, что это стали дѣлать чиновники губернской администраціи и полиція. Такимъ образомъ вновь начались сборы крестьянъ въ волостныя правленія, новые ихъ опросы, новыя оцѣнки уже оцѣненнаго имущества, новые разѣзды чиновниковъ и новыя хожденія крестьянъ по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ.

Эта безплодная работа, въ которой прошли вся осень и зима 1889—1890 г., объяснялась тѣмъ, что дѣло собственно дѣлалось не губернскими властями, которымъ, очевидно, должно было быть извѣстно кирсановское движеніе, а безличною губернскою канцеляріей, не вѣдавшею, что новыя прошенія крестьянъ имѣютъ за собою старую исторію въ другомъ вѣдомствѣ. Эта канцелярія производила по нимъ только свое бумажное производство. Сотни прошеній посылала деревня губерніи. Сотнями отписокъ отвѣчала губернія деревнѣ, и тѣмъ успокоивалась, какъ совершеннымъ дѣломъ. Какъ въ прошломъ году уѣздныя власти не додумались ни до какого живаго выхода изъ затруднительнаго положенія, такъ теперь его не искала и губернаторская канцелярія. Приемъ всѣхъ прошеній, непонятные по нимъ отписки, которыя крестьяне принимали за разрѣшенія выходить, сборы ихъ въ волостныя правленія и новыя оцѣнки продолжали по прежнему подливать масло въ огонь.

Выше мы сказали, что уѣздныя власти сочли себя по новому закону совершенно устраненными отъ дѣла. Предводитель дворянства уѣхалъ на зиму въ Петербургъ; новый непремѣнный членъ, выбранный губернскимъ земскимъ собраніемъ въ декабрѣ, оставался не утвержденнымъ министромъ до весны и вступилъ въ должность въ маѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, когда уѣздъ горѣлъ движеніемъ, крестьяне остались совсѣмъ безъ властей.

Готовясь выйти съ открытіемъ весны, они въ теченіе и всей осени и зимы продавали свой скотъ, свои посѣвы, земледѣльческія орудія и домашнюю утварь; ярмарки и базары были полны крестьянскимъ скарбомъ, который, не находя покупателей, шелъ за безцѣнокъ. Къ веснѣ многія семьи поставили себя въ невозможность продолжать дальше свое хозяйство. Между тѣмъ, находясь въ томительной неизвѣстности, будутъ-ли они отпущены къ этому времени, и слыша постоянно, что ихъ дѣло зависитъ

отъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, крестьяне Вяжлинской, Балыклевской и Красивской волостей рѣшили послать въ февралѣ уполномоченныхъ въ Петербургъ. По ихъ разсказамъ, имъ удалось видѣть г. министра или другого чина министерства, разъяснившего имъ, что имъ нечего было ѣздить въ Петербургъ и что ихъ дѣло до открытія весны рѣшится на мѣстѣ. Не смотря на это обѣщаніе, весна проходила, а разрѣшеніе не приходило, и нетерпѣливые крестьяне стали посылать въ Петербургъ телеграфныя прошенія и вновь собираться туда ѣхать. Въ февралѣ мѣсяцѣ постороннее лицо разъяснило администраціи различіе между кабинетными и казенными землями, и вслѣдъ за тѣмъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*¹ появилась изъ Тамбова корреспонденція о неправильномъ направленіи множества крестьянскихъ прошеній. Тогда уполномоченные нѣкоторыхъ селеній были послѣшно вызваны въ Тамбовъ, гдѣ отъ нихъ потребованы были, объявленные осенью ненужными, свидѣтельства Алтайскаго земельного управленія. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, губернская администрація вернула все производство къ себѣ, и въ основаніе новаго направленія дѣла былъ положенъ общій законъ и эти свидѣтельства.

Послѣднія, сохраненныя большинствомъ крестьянъ вопреки прошлогоднимъ увѣреніямъ администраціи о ихъ недѣйствительности при новомъ законѣ, представляли изъ себя, какъ выше было сказано, удостовѣренія Алтайскаго земельного управленія о томъ, что выбранный крестьянскими уполномоченными участокъ земли не заселенъ и можетъ быть отведенъ такому-то числу семей безъ переименованія самихъ семей. Какъ исключенія, между этими свидѣтельствами попадались выданныя отдѣльнымъ семьямъ съ указаніемъ имени и фамиліи домохозяина. Увидѣвъ и тѣ и другія, наша администрація почему-то вообразила, что всѣ свидѣтельства должны быть непременно именныя. Такое требованіе не было основано ни на законѣ, ни на распоряженіяхъ правительства, и, кромѣ того, исполненіе его было затруднено самою же администраціей, сдѣлавшею съ начала движенія общее распоряженіе не выдавать изъ волостей посемейныхъ списковъ, а безъ послѣднихъ нельзя было получить и именныхъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ, если теперь такое новое формальное требованіе было предъявлено, то необходимость вывести поскорѣе тысячи семей изъ томительнаго неопре-

¹ № 80, 1890 г.

дѣленнаго положенія, въ какое вовлекла ихъ сама администрація, должна была заставить послѣднюю облегчить переселенцамъ полученіе этихъ свидѣтельствъ.

Списаться самой администраціи съ Алтайскимъ управленіемъ и получить оттуда таковыя не представляло никакихъ затрудненій. Но канцеляризмъ, въ которомъ дѣло продолжало вязнуть, возложилъ доставленіе этихъ свидѣтельствъ непосредственно на самихъ крестьянъ, и чтобы ихъ добыть, ходаки въ апрѣлѣ отправились этотъ разъ не въ Петербургъ, а во второй разъ въ Томскъ.

Въ то время какъ они путешествовали, до 500 семей въ трехъ только волостяхъ: Вяжлинской, Салтыковской и Царевской (я не имѣю свѣдѣній о другихъ), не сѣявъ еще прошлаго года озимаго хлѣба и распродавъ зимой весь свой скотъ, лошадей и земледѣльческія орудія, не выѣхали съ наступленіемъ весны и на посѣвъ яровыхъ и стали ожидать въ полномъ бездѣйствіи въ рабочую пору возвращенія уполномоченныхъ изъ Сибири. Въ такое состояніе поставили себя цѣлыя деревни, на примѣръ, деревни Ядровка и Козловка Вяжлинской волости, имѣющія каждая до 100 крестьянскихъ дворовъ. Кому приходилось въ то лѣто проѣзжать эти деревни, тотъ поражался ихъ особою внѣшностью. вмѣсто обычнаго густаго лѣса коноплей—оставленные крестьянскіе огороды заросли бурьяномъ и полынью, вмѣсто обычной пустоты черноземной деревни въ лѣтнюю пору—вездѣ виднѣлись кучки крестьянъ, сидящихъ безъ дѣла у своихъ избъ. „Вотъ, ждемъ все ходаковъ изъ Сибири со свидѣтельствами“, говорили они.

Во время этого ожиданія губернскія власти въ первый разъ выступили лично въ дѣлѣ, предоставленномъ до сихъ поръ исключительно губернаторской канцеляріи. Постоянныя телеграфныя сношенія крестьянъ съ Министерствомъ, ихъ поѣздки туда и отголоски движенія давно уже побуждали властей проявить свою инициативу въ этомъ серіозномъ дѣлѣ. Наконецъ, губернаторскій пріѣздъ былъ назначенъ на 4 мая. Къ этому дню въ Вяжлинское и Чернавское волостныя правленія были собраны отовсюду переселенцы. Въ Вяжлинское ихъ пришло больше тысячи. Но по пріѣздѣ въ Кирсановъ, радушныя угощенія офицеровъ кавалерійскаго запаса и уѣздныхъ чиновниковъ задержали губернатора на нѣсколько дней. Наконецъ, власти губернскія и уѣздныя длиннымъ поѣздомъ повинули веселую Капую. Въ четырехъ верстахъ отъ города, на переправѣ черезъ рѣку

Ворону, была устроена торжественная встрѣча съ музыкантами. Прибывъ въ недалеко отстоящее отъ этой переправы Вяжлинское волостное правленіе, губернаторъ держалъ краткую рѣчь собравшимся крестьянамъ и затѣмъ прослѣдовалъ дальше. Это личное вмѣшательство губернатора не оправдало ожиданій, возлагавшихся на него. Оно не развязало ни одного узла запутаннаго дѣла.

Ходаки изъ Томска вернулись только въ іюлѣ. Въ августовскомъ засѣданіи крестьянскаго присутствія былъ сдѣланъ разборъ прошеній. Всѣ тѣ, имущества которыхъ по оцѣночнымъ спискамъ равнялись или превышали 200 рублей, были уволены, остальнымъ только теперь объявили, что они не будутъ отпущены. Я упоминалъ, что оцѣночные списки дѣлались нѣсколько разъ, и потому, конечно, дѣлались на-спѣхъ и всѣ были невѣрны. Правильному ихъ составленію мѣшало также беспокойное состояніе крестьянъ и недовѣрчивое ихъ отношеніе къ властямъ. Много богатыхъ крестьянъ оказались въ спискѣ неимущихъ и наоборотъ. Принципъ состоятельности раздѣлилъ родственныя раздѣльно живущія семьи, одни близкіе родственники были оставлены, другіе — отпущены въ дальнюю Сибирь. 20 августа крестьяне получили проходныя свидѣтельства и тронулись въ путь. Съ самаго начала путешествія они начали испытывать затрудненія, благодаря раннему спаду водъ въ 1890 году на Волгѣ и Камѣ. До Казани переселенцамъ нѣсколько разъ приходилось переходить на баркасы, такъ какъ пароходы не могли идти. Въ Казани часть переселенцевъ, около 60 семей, были высажены на берегъ, и имъ объявили, что на Камѣ съ настоящаго времени могутъ ходить только плоскодонные пароходы, и такъ какъ срочныхъ грузовъ много, то нельзя надѣяться на скорое отправленіе. Въ сентябрѣ означенныя семьи лежали еще на берегу Камы въ ожиданіи парохода. Нѣсколько семей изъ нихъ, въ которыхъ заболѣли дѣти, вернулись обратно. Дальнѣйшее осеннее путешествіе по холоднымъ сибирскимъ рѣкамъ и затѣмъ зимовка въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, губельно повліяли на здоровье переселенцевъ. Опять цѣлыя семьи вымерли.

Кромѣ рассказаннаго мною общаго недоразумѣнія, во многихъ мѣстахъ движеніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ другихъ. Мѣстами были и народные беспорядки и сопротивленія властямъ. Такъ, на примѣръ, въ селѣ Павловкѣ, крестьяне окружили пріѣхавшаго къ нимъ исправника, стали грозить ему и требовать

немедленнаго выпуска, и онъ освободился отъ нихъ только благодаря своей находчивости. Въ селѣ Трескинѣ волостной старшина спасся бѣгствомъ отъ осаждавшей волостное правленіе буйствующей толпы переселенцевъ. Но, поставивъ себѣ задачей избѣгать разсказовъ по-наслышкѣ, я лишенъ возможности говорить о подробностяхъ этихъ и еще многихъ другихъ недоразумѣній. Поэтому остановлюсь только на двухъ частностяхъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ.

Вышеуказанные крестьяне деревень Ядровки и Козловки, сидя на дарственномъ надѣлѣ и желая переселиться всѣмъ обществомъ, захотѣли продать свою дарственную землю. Первое общество имѣло 188 десятинъ такой земли, второе 122 десятины. Стоимость ихъ равнялась около 30.000 рублей. Эта цѣна давала самостоятельнымъ домохозяевамъ значительное подспорье на переселеніе. Безлошадные и обѣднѣвшіе, которыхъ въ этихъ обѣихъ деревняхъ было до 25%^о, получали возможность двинуться въ Сибирь. Поэтому эта продажа пламенно желалась всѣми. По закону крестьяне имѣли полную возможность даже безъ всякаго разрѣшенія властей распорядиться своимъ надѣломъ, такъ какъ дарственная земля, не выкупаемая съ содѣйствіемъ правительства, составляла тогда отчуждаемую собственность общества. Но пользование этимъ опаснымъ правомъ власти могли остановить законнымъ способомъ, если бы самыя ходатайства о переселеніи цѣлыхъ обществъ не были принимаемы. Думаю, что они обязаны были это сдѣлать, такъ какъ сплошнаго выселенія цѣлыхъ селеній не требовали ни интересы разгоряченныхъ крестьянъ, ни общіе интересы самой мѣстности. Но вмѣсто единодушнаго отпора своимъ стремленіямъ, крестьяне встрѣтили, какъ всегда, противорѣчивыя мнѣнія разныхъ инстанцій. Отвѣтъ мѣстныхъ властей завалялся, по обыкновенію, въ канцеляріи, и крестьяне обратились къ губернскимъ, которыя, не разобравъ, что дѣло касается дарственныхъ крестьянъ, сообщили имъ, что надѣлы неотчуждаемы. По телеграфной жалобѣ крестьянъ дѣло опять доходило до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разъяснившаго крестьянамъ (объявленіе, полученное ими отъ губернатора 23-го мая 1890 года, за № 3507) ихъ права. Продажа не состоялась только потому, что послѣ разрѣшенія, даннаго министерствомъ, состоятельные крестьяне получили вскорѣ позволеніе переселиться. Утомленные долгими хлопотами, дорого имъ стоящими, и нетерпѣливо стремясь въ обѣтованную, столь долго запретную для нихъ землю, они не рѣшились еще

разъ отложить свой выходъ изъ-за надѣловъ и предоставили ихъ оставшимся бѣднякамъ. Такимъ образомъ, незнаніе властями законовъ и канцелярская волокита послужили на этотъ разъ въ пользу одной части крестьянъ, увеличивъ ихъ надѣлы. Но не этими причинами объяснили себѣ переселенцы всѣ перипетіи этого дѣла. Онѣ опять соблазнили и спутали ихъ мысли. Такъ же подѣйствовалъ на крестьянъ и слѣдующій эпизодъ.

Выше я сказалъ, что крестьяне посылали сотни прошеній въ Тамбовъ. Всѣ они, *безъ единого* исключенія, были оставляемы безъ послѣдствій, такъ какъ не соотвѣтствовали формальнымъ условіямъ, требуемымъ канцеляріей. Убѣдившись въ невозможности добиться желанной цѣли личнымъ путемъ, крестьяне стали искать опытнаго и свѣдущаго человѣка, который бы научилъ ихъ трудному искусству ходатайства. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ нѣкоего Архангельскаго, сына одного изъ мѣстныхъ духовныхъ. Задумавъ самъ переселиться въ Сибирь, Архангельскій сталъ указывать обращавшимся къ нему крестьянамъ, какъ слѣдуетъ писать прошенія. Скоро извѣстность о немъ распространилась и въ сосѣднихъ — уѣздахъ Балашовскомъ и Сердобскомъ Саратовской губерніи, гдѣ переселенческое движеніе было также очень сильно. Отъ имени многихъ крестьянъ онъ съ другими ходатаями, какъ письменный человѣкъ, по выраженію крестьянъ, рѣшился ѣхать въ Сибирь, чтобы выбрать одинъ изъ свободныхъ переселенческихъ участковъ и хлопотать объ его отводѣ. Узнавъ о томъ, кирсановскія власти сдѣлали распоряженіе по волостямъ — не свидѣтельствовать выдаваемые крестьянами довѣренности Архангельскому и не выдавать ему посемейные списки, необходимые при полученіи въ Сибири именныхъ свидѣтельствъ на отводъ крестьянамъ земель, которыя, какъ выше сказано, сама же администрація требовала отъ крестьянъ. Но Архангельскій и безъ этихъ документовъ не встрѣтилъ въ сибирскомъ начальствѣ препятствій, чтобы исполнить свою миссію. Воротившись оттуда, онъ написалъ до 62 прошеній Саратовскому и Тамбовскому губернаторамъ отъ имени около 1.500 крестьянъ, обратившихся къ нему, и, кромѣ того, ѣздилъ въ Петербургъ съ жалобой на медленность производства по крестьянскимъ прошеніямъ. Въ обѣихъ губерніяхъ дѣйствія Архангельскаго вызвали репрессію. Тамбовская администрація просила привлечь его къ уголовной отвѣтственности за агитаторскую дѣятельность, благодаря которой будто-бы возникло все переселенческое движеніе, за поѣздки съ этою цѣлью по селамъ, за подстрекатель-

ство изъ корыстныхъ видовъ и подговоръ къ недозволенному закономъ переселенію и за сообщеніе крестьянамъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о льготахъ, и трусливая судебная власть, помня новый внушенный ей завѣтъ не ссориться съ администраціей (завѣтъ, замѣнившій прежнее обыкновеніе непременно съ нею ссориться), поспѣшила заключить Архангельскаго въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ отъ 17-го марта по 7-е августа, пока дѣло о немъ велось слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ. Саратовскій губернаторъ, съ своей стороны, выпустилъ циркуляръ (онъ былъ помѣщенъ въ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, № 10 за 1890 годъ), въ которомъ, называя Архангельскаго обманщикомъ, предостерегалъ крестьянъ не вѣрить его сообщеніямъ, что будто бы въ Енисейской губерніи можетъ быть отведена имъ земля, тогда какъ онъ, губернаторъ, на основаніи закона 13-го іюля 1889 года, утвержденнаго Государемъ, сообщаетъ имъ, что въ Енисейской губерніи переселенцамъ земель не отводится. Этотъ циркуляръ былъ прочитанъ по приказанію губернатора на всѣхъ сельскихъ сходахъ, гдѣ было движеніе.

Оба обвиненія, и тамбовское, и саратовское, оказались несостоятельными. Тамбовское разсыпалось въ прахъ передъ слѣдственною властью. Его породила безотчетная боязнь движенія. Оказалось, что Архангельскій принялъ на себя ходатайство за крестьянъ послѣ усиленныхъ ихъ просьбъ и въ виду ихъ беспомощности, что движеніе началось задолго до участія въ немъ Архангельскаго; что денегъ мошенническимъ образомъ онъ не вымогалъ у крестьянъ, а бралъ за ходатайство отъ 50 коп. до 1 рубля и бѣольшую часть этихъ денегъ употреблялъ на поѣздки въ Сибирь, Петербургъ, Тамбовъ, на посылку телеграммъ, на подачу прошеній и проч., что онъ не разѣзжалъ по уѣздамъ съ цѣлью агитаціи и что, напротивъ, сами крестьяне стремились къ нему во множествѣ, что лживыхъ сообщеній о несуществующихъ льготахъ онъ не дѣлалъ и что эти обвиненія взведены на него сотскими изъ крестьянъ по приказанію урядниковъ¹. За отсутствіемъ состава преступленія уголовное преслѣдованіе противъ Архангельскаго было прекращено Тамбовскимъ окружнымъ судомъ, и онъ былъ выпущенъ на свободу. Оказалось, что

¹ Я выписываю все это буквально изъ официальнаго документа—заключенія прокурорскаго надзора о прекращеніи слѣдствія надъ Архангельскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обвиненіе администраціи въ подговоръ черезъ урядниковъ, выведенное судебною властью изъ словъ крестьянъ, не выдерживаетъ критики, но оно характеризуетъ настроеніе самихъ крестьянъ.

и саратовскій губернаторъ ошибался, сообщая крестьянамъ на всѣхъ сельскихъ сходахъ губерніи, что въ Енисейской губерніи переселенцамъ не отводится земель. Онѣ отводились въ этомъ году въ Минусинскомъ и Канскомъ округахъ этой губерніи, какъ сообщали крестьянамъ чиновники по переселенческимъ дѣламъ.

На слѣдующій 1891 годъ движеніе перекинулось въ другую часть уѣзда, и я былъ лишень возможности слѣдить за его недоразумѣніями. Въ этомъ году были прибиты вездѣ по уѣзду огромныя печатныя объявленія исправника, въ которыхъ говорилось, что весь сѣверъ уѣзда, слѣдуя лживымъ увѣреніямъ какого-то крестьянина, поднялся опять на переселеніе. Въ другой части уѣзда, движеніе улеглось, и только отдѣльныя небольшія группы крестьянъ продолжали ходатайствовать о переселеніи въ Уссурійскій край. Эти прошенія разрѣшались въ Петербургѣ обыкновенно около двухъ-трехъ лѣтъ послѣ ихъ подачи; покуда же нетерпѣливые крестьяне не знали, слѣдуетъ-ли имъ хозяйничать и сѣять на старинѣ. Иногда, пока такія прошенія ходили, семьи раздѣлялись; одна часть хотѣла идти, другая оставалась; между тѣмъ разрѣшенія давались на нераздѣльную семью.

Въ прошломъ году въ умиротворенное населеніе былъ пущень новый брандеръ. Несмотря на ежегодно въ теченіе тридцати лѣтъ постоянно увеличивающійся переселенческій потокъ, министерство оказалось неприготовленнымъ къ нему, и въ послѣдніе годы переселеніе, за неотмежеваніемъ переселенческихъ участковъ, было, какъ извѣстно, оффиціально запрещено циркулярами. Но такое запрещеніе оставалось только на бумагѣ. Сотни тысячъ переселенцевъ ежегодно тайкомъ пробирались въ Сибирь, и такіе нелегальные люди получили даже въ народѣ особое названіе „самоходовъ“. Наконецъ, въ прошломъ году переселенческіе участки оказались вымежеванными. Чтобы объявить о томъ народу, потребовался новый циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ министерство сообщало, что въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ земли приготовлены, говорило о намѣреніяхъ правительства устроить продовольственные пункты и санитарныя станціи на пути движенія, сообщало о новомъ, значительно уменьшенномъ переселенческомъ тарифѣ. Но рядомъ съ желаніемъ повѣдать *urbī et orbī* о новомъ направленіи своей переселенческой политики, министерство помнило, что такія объявленія порождали неизмѣнно движенія, и потому, вмѣстѣ съ предложеніемъ властямъ объявить крестьянамъ эти бумажныя обѣщанія, было издано и другое распоряженіе,—ихъ не объяв-

лять. У насъ въ губерніи, по злой ироніи судьбы, послѣдовали первому изъ этихъ распоряженій, и выписки изъ министерскаго циркуляра были прочитаны по всѣмъ селамъ. Въ связи со строющею великою Сибирскою дорогою и доходящими до крестьянъ слухами о намѣреніи правительства заселить ее, эти чтенія по деревнямъ были приняты населеніемъ какъ новый вызовъ правительства на переселеніе. Сельское консервативное населеніе помнить всегда хорошо всѣ правительственныя мѣры, когда-либо касавшіяся его, и потому наши крестьяне вспомнили вызовы и выклички желающихъ идти, практиковавшіеся въ дореформенное время: они всегда возбуждали въ крестьянахъ движенія и были, наконецъ, потому оставлены ¹, и подумало, что правительство снова возвращается къ прежней практикѣ. Крестьяне стали опять собираться на переселенческіе сходы, подавать прошенія, записываться и отписываться въ списки, продавать свои имущества и опускать хозяйство. Движеніе по прежнему охватило не только крестьянъ, сидящихъ на даровомъ надѣлѣ, но поголовно цѣлыя деревни, имѣющія полныя надѣлы, увеличенные еще значительнымъ выходомъ односельцевъ въ прежнія движенія. Такъ какъ выписки циркуляра читались прошлою зимою, то крестьяне, естественно, заключили, что если ихъ выкликаютъ теперь, то, значить, тою же весной ихъ поспѣшатъ выпустить, и стали готовиться въ путь; но не тутъ-то было. Рядомъ съ объявленными приглашеніями, начались со стороны властей совершенно необходимыя, при существующей системѣ, проволочки и препятствія исполнить въ этомъ-же году нетерпѣливыя крестьянскія желанія. Крестьянскія имущества были описаны, и ихъ прошенія пошли по инстанціямъ въ Петербургъ.

¹ Также всегда дѣйствовали на крестьянъ всѣ объявленія правительства о имѣющихся свободныхъ земляхъ для заселенія. Не касаясь дореформеннаго времени, богатаго переселенческими движеніями, и говоря только о подобныхъ циркулярахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а не о другихъ законахъ и распоряженіяхъ правительства, можно указать, какъ на примѣры, что разсылка по волостямъ министерскаго циркуляра отъ 13-го апрѣля 1868 года о томъ, что въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ имѣются свободныя, казенныя земли, предназначенныя для заселенія, дала толчекъ движенію, въ которомъ участвовали 19 губерній (Янсонъ, „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ“). Обнародованіе циркуляра 16-го сентября 1874 года о томъ, что въ Херсонской губерніи предполагается раздать 22 т. десятинъ земли нѣкоторымъ разрядамъ крестьянъ, подняло движеніе въ Черниговской, Орловской и Курской губерніяхъ (Уманецъ, Колонизація свободныхъ земель Россіи стр. 195).

Нѣкоторые земскіе пачальники положили, кажется, не мало труда, чтобы объяснить крестьянамъ смыслъ новаго правительственнаго распоряженія. Не знаю, удалось-ли имъ подѣйствовать на недовѣрчивую крестьянскую душу, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пренебрегли такими объясненіями, мнимая борьба помѣщиковъ съ крестьянами изъ-за выхода возгорѣлась опять по всей линіи. Впрочемъ, послѣднее движеніе по размѣрамъ и интенсивности уступаетъ предыдущимъ. Я не берусь рѣшать, происходитъ-ли это отъ разочарованія крестьянъ въ новыхъ мѣстахъ и ихъ убѣжденія, что господскую волю не пересилишь; или же здѣсь дѣйствуютъ также экономическія причины—хорошіе урожаи послѣднихъ лѣтъ и повысившаяся заработная плата.

Для восточной части нашего уѣзда объявленіе послѣдняго циркуляра имѣетъ еще другое вредное послѣдствіе. Благодаря движенію восьмидесятихъ годовъ многіе наши крестьяне скоро и хорошо устроились на Алтайскихъ привольныхъ Государевыхъ земляхъ, не въ примѣръ лучше, чѣмъ на частныхъ земляхъ уфимскихъ землевладѣльцевъ. Тамъ образовались цѣлыя селенія Кирсановцевъ, которые стали манить туда своихъ односельцевъ и родныхъ, и такимъ образомъ у насъ готовъ былъ образоваться естественный дренажъ нашего населенія въ эту богатую страну. Крестьянскія связи на Алтай должны были облегчить нашимъ будущимъ переселенцамъ первое, всегда столь трудное время водворенія на новыхъ мѣстахъ. Эти же связи давали возможность имъ избѣгать гибельныхъ ошибокъ при выборѣ мѣстъ поселенія. Какъ извѣстно, отъ неудачнаго выбора бесплодныхъ, безводныхъ или съ плохой водой участковъ гибнуть и разоряются на новыхъ мѣстахъ цѣлыя селенія. Всѣ эти преимущества теперь уничтожены приглашеніями переселяться въ Енисейскую и Иркутскую губерніи, понятыми крестьянами какъ правительственный вызовъ только въ эти губерніи. Эти приглашенія круто поворачиваютъ нашъ переселенческій потокъ въ совершенно неизвѣстныя нашему крестьянству страны.

Движеніе, продолжавшееся много лѣтъ сряду, изрѣдило населеніе нашего уѣзда, хотя очень неравномѣрно. Многія селенія сохранили всѣхъ своихъ жителей; другія потеряли 5-10 и даже, какъ исключенія, до 50%. Въ послѣдніе годы въ восточной части Кирсановскаго уѣзда сталъ чувствоваться постоянный недостатокъ рабочихъ. Подъешенные хлѣба ежегодно лежатъ до поздней осени на рядахъ, и помѣщичьи рядчики напрасно разъѣзжаютъ по дальнимъ селамъ, приглашая крестьянъ на работу.

Занятые своимъ дѣломъ, они отказываются отъ чужой работы или идутъ на нее по очень возвышеннымъ цѣнамъ. Въ третьемъ году часть урожая у помѣщиковъ осталась даже въ полѣ къ зимѣ и сгнила. Этотъ недостатокъ рабочихъ рукъ, происходя отъ метеорологическихъ условій и очень хорошихъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ, имѣетъ не много общаго съ выселеніемъ крестьянъ. Но онъ опять наглядно показываетъ крестьянамъ всю важность для посѣвщиковъ-помѣщиковъ сохранить болѣе густое населеніе уѣзда.

Изъ моего фактическаго изложенія легко сдѣлать обобщенія, но я на нихъ не буду долго останавливаться. Я пишу не для того, чтобы конструировать формулу, въ которую давно пора бы вылиться нашему переселенческому дѣлу. Всѣ ея элементы давно уже разработаны литературой, но они остаются въ теоріи и не переходятъ въ жизнь, и я пишу для того, чтобы на живомъ примѣрѣ указать на послѣдствія неустроеннаго дѣла. Я пробую еще разъ послѣ многихъ подобныхъ попытокъ постучаться во все еще запертую, заколдованную дверь порядка, которая должна же когда-нибудь открыться.

Слѣдующіе главнѣйшіе выводы вытекаютъ изъ моего разсказа. Такое громадное и жизненное для всего нашего народа дѣло, какъ переселенческое, не можетъ быть управляемо частными распоряженіями, интересами отдѣльных мѣстностей, разнообразною политикой отдѣльных вѣдомствъ и минутными вѣяніями. Всѣ эти противорѣчія должны быть примирены въ колонизаціонной системѣ. Только при послѣдней можетъ исчезнуть замѣченное нами двойственное отношеніе правительства къ дѣлу переселенія—одновременное его поощреніе и задержка. Съ нею же прекратятся неопредѣленность и безпечность въ управленіи этимъ явленіемъ, недостатокъ законовъ, его регулирующихъ, и то ложное освѣщеніе, которое оно получило въ глазахъ народа. Само дѣло только тогда получить надлежащую ему обстановку.

Проводить въ жизнь эту систему должны особые органы, выдѣленные въ центрѣ и на мѣстахъ новаго поселенія отъ всѣхъ другихъ министерствъ въ особое колонизаціонное управленіе. На необходимость такого рѣшенія указываютъ спеціальныя особенности дѣла, его громадность, сложность, запутанность послѣ долгаго пренебреженія и всемірный опытъ другихъ народовъ.

Этой будущей колонизаціонной системѣ между прочимъ придется остановиться на слѣдующемъ. Изъ густо населенныхъ,

обнищавшихъ центральныхъ уѣздовъ черноземной полосы не замѣчалось до послѣднихъ годовъ усиленнаго переселенческаго движенія, можетъ быть, отчасти потому, что населеніе здѣсь давно уже осѣло и потеряло колонизаціонную предприимчивость. Крестьяне бѣжали почти поголовно изъ малонаселенныхъ мѣстностей, лежащихъ на восточныхъ и южныхъ предѣлахъ чернозема, гдѣ земля дешева и трудъ дорогъ. Это происходитъ отъ болшей энергіи и подвижности недавно пришедшаго сюда населенія, но также и оттого, что здѣсь исключительно скучены дарственные надѣлы. Первая причина естественна, и нельзя даже пытаться на нее дѣйствовать; вторая—ненормальна, а потому подлежитъ воздѣйствію; къ тому же она легко устранима. Устройство въ полосѣ дарственныхъ надѣловъ части населенія на мѣстахъ, обезпечивъ ему въ достаточномъ размѣрѣ земельный надѣлъ, уменьшить интенсивность такого выселенія.

Леонидъ Дашкевичъ.

ВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

(Разсказъ изъ жизни гимназистовъ).

Съ Сашей мы сошлись совершенно случайно. Тогда намъ обоимъ было очень немного лѣтъ. Познакомились мы, конечно, въ гимназiи; оба учились въ одномъ классѣ и одинаково хорошо. Первое время Саша своими успѣхами возбудилъ во мнѣ какое-то особенное чувство: не то зависть, не то желанiе стать лучше, выше его по ученiю. Это повело къ тому, что я даже не разговаривалъ съ нимъ; впрочемъ, въ этомъ больше былъ виноватъ я одинъ, Саша же держалъ себя замѣчательно просто, по-дѣтски. Въ классѣ онъ всегда былъ тихъ, серьезенъ и молчаливъ. Никогда, бывало, ни съ кѣмъ первый не заговорить, хотя всегда охотно отвѣчаетъ тѣмъ, кто къ нему обращался съ какимъ-либо вопросомъ. По своимъ шалостямъ я былъ совершенная противоположность Сашѣ. Я любилъ посмѣяться, пошумѣть, подраться; быстро увлекался всѣмъ новымъ, живо сходился со всѣми своими сверстниками и также живо усваивалъ всѣ ихъ привычки. Такъ, помню, у насъ появилась мода ругаться отборною русскою бранью. Это считалось даже какимъ-то ухарствомъ, своего рода молодечествомъ. Бранныя слова и я очень быстро усвоилъ и часто производилъ фуроръ лексикономъ отборныхъ ругательствъ; всѣ эти ругательства я произносилъ молодежато, смѣло, что ужасно нравилось всѣмъ моимъ товарищамъ.

Какъ-то, по окончанiи уроковъ, мы цѣлою гурьбой отправились домой; въ этой гурьбѣ былъ и Саша, шедшiй сосредоточенно, съ книгами подъ мышкой.

Собственно съ этого дня и началась наша дружба. Шумъ у насъ стоялъ страшный, всѣ мы о чемъ-то спорили и кричали

